

**НАСЛЕДОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР:
ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА И ИМПЕРАТИВНЫЕ
НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ксения Александровна Киселёва

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

aksinya.verner@list.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному междисциплинарному анализу правовых и этнопсихологических коллизий, возникающих в сфере наследственного права в полиэтничном российском обществе. Исследуется противоречие между императивными нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья)¹ (далее – ГК РФ), основанными на либерально-индивидуалистической парадигме, и традиционными этнокультурными системами наследования, базирующимися на принципах коллективизма, родовой иерархии и сакрального отношения к родовому имуществу. На основе анализа доктринальных позиций в области юридической антропологии (В. А. Тишков, Н. И. Новикова), цивилистики (А. Л. Маковский, О. Ю. Шилохвост) и этнопсихологии (Т. Г. Стефаненко) выделяются ключевые точки напряжения: приоритет мужского наследования, концепция неделимости «родительского гнезда» и родовой земли, неприятие завещательных свобод, ограничивающих права членов рода. Автор доказывает, что прямое игнорирование этих традиций правоприменителем ведет к социальной дестабилизации, а их слепая легитимация – к подрыву единого правового пространства. В работе предлагается модель дифференцированного подхода, сочетающего строгое соблюдение императивных норм ГК РФ при судебном разрешении споров с активным использованием на досудебной стадии примирительных процедур (медиации), адаптированных к культурному контексту. Обосновывается необходимость разработки методических рекомендаций для нотариусов и судей в полиэтничных регионах по выявлению и учету этнокультурного фактора в рамках оценки добросовестности и согласия наследников, а также усиления правового просвещения с учетом этнопсихологических особенностей восприятия права. Делается вывод о необходимости восприятия наследственного права не только как техники перераспределения имущества, но и как социально-психологического института, требующего культурно-чувствительного подхода в правоприменении.

Ключевые слова: наследственное право, этнокультурные традиции, обычай, правовой плюрализм, Гражданский кодекс Российской Федерации, юридическая антропология, этнопсихология, медиация, нотариальная практика, столкновение культур.

Для цитирования: Киселёва К. А. Наследование в условиях столкновения культур: этнические традиции раздела имущества и императивные нормы Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 83–89.

Original article

**INHERITANCE IN THE CONTEXT OF CULTURE CLASHES:
ETHNIC TRADITIONS OF PROPERTY DIVISION AND MANDATORY NORMS
OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

Ksenia A. Kiseleva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russia, aksinya.verner@list.ru

Abstract. This article is devoted to a comprehensive interdisciplinary analysis of legal and ethnopsychological conflicts arising in the field of inheritance law in a multiethnic Russian society. The article examines the contradiction between the mandatory norms of the Civil Code of the Russian Federation (Part Three) (hereinafter – CC RF), based on a liberal-individualistic paradigm, and traditional ethnocultural systems of inheritance based on the principles of collectivism, clan hierarchy, and a sacred attitude towards ancestral property. Based on the analysis of doctrinal positions in the field of legal anthropology (V. A. Tishkov, N. I. Novikova), civilistics (A. L. Makovsky, O. Yu. Shilokhvost), and ethnopsychology (T. G. Stefanenko), key points of tension are identified: the priority of male inheritance, the concept of the indivisibility of the «parental nest» and ancestral land, and the rejection of testamentary freedoms that limit the rights of family members. The author argues that the direct disregard of these traditions by law enforcers leads to social destabilization, while their blind legitimization undermines a unified legal framework. The paper proposes a differentiated approach that combines strict adherence to the mandatory provisions of the Russian Civil Code in judicial dispute resolution with the active use of pre-trial conciliation procedures (mediation) adapted to the cultural context. The paper substantiates the need to develop methodological recommendations for notaries and judges in multiethnic regions to identify and consider ethnocultural factors in assessing the good faith and consent of heirs, as well as to strengthen legal education, taking into account the ethnopsychological characteristics of law perception. The article concludes that inheritance law must be viewed not only as a technique for the redistribution of property, but also as a socio-psychological institution requiring a culturally sensitive approach in law enforcement.

Keywords: inheritance law, ethnocultural traditions, custom, legal pluralism, Civil Code of the Russian Federation, legal anthropology, ethnopsychology, mediation, notarial practice, clash of cultures.

For citation: Kiseleva K. A. Inheritance in the context of culture clashes: ethnic traditions of property division and mandatory norms of the Civil code of the Russian Federation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 83–89. (In Russ.)

Введение

В современной юридической науке Российской Федерации приобретает особую актуальность проблема нормативного регулирования взаимодействия публичной власти и носителей различных культурных идентичностей. Единство правового поля государства, обусловленное целостностью его геополитического пространства, детерминирует процесс взаимной адаптации не только социокультурных практик, но и правовых норм, закрепленных в законодательстве Российской Федерации. Данный процесс порождает феномен региональной вариативности в применении единых предписаний федерального законодательства, что проявляется в схожести и одновременно существенном различии правоприменительных подходов, обусловленных локальными культурными особенностями. Подобная ситуация вступает в системное противоречие с фундаментальным принципом единства государственной власти и единообразия пра-

воприменения на всей территории Российской Федерации.

Так, наследственное право, закрепленное в части третьей ГК РФ, представляет собой квинтэссенцию либеральных цивилистических начал: свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ), формального равенства наследников по закону (ст. 1141 ГК РФ), примата индивидуальной воли над коллективным интересом. Однако правовая реальность в полиэтничной Российской Федерации сталкивается с альтернативными нормативными системами – этнокультурными традициями наследования, которые формировались веками и остаются мощным регулятором социальных отношений в многонациональных коллективах. Вышеупомянутые традиции, будучи неформальными, обладают высокой психологической легитимностью в своей среде, порождая ситуацию глубокого межкультурного конфликта на уровне правосознания и правоприменения [1, с. 205].

В частности, ключевой пример коллизии формального и традиционного права обнаруживается в сфере наследственных отношений. Принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ), являющийся краеугольным камнем либеральной цивилистики, вступает в системное противоречие с устоявшимися этнокультурными традициями ряда народов России, например с обычаем наследования родового имущества исключительно по мужской линии.

Типична ситуация, когда завещание, правомерно составленное в пользу дочери (или иного лица, не соответствующего традиционному критерию), оспаривается представителями рода. Основанием для оспаривания служит не формальный дефект волеизъявления, а его содержательное несоответствие коллективной норме, обладающей в данной среде высшей легитимностью. Хотя суд, исходя из примата индивидуальной воли, обязан защитить права наследника по завещанию, правоприменительный акт зачастую не разрешает, а консервирует конфликт. Победитель в юридическом процессе может быть фактически лишен возможности реализовать свое право в силу непреодолимого социального давления и непризнания решения общиной.

Таким образом, единая норма ГК РФ наталкивается на вариативность правоприменительных последствий, обусловленную правовой, а социокультурной реальностью, что ставит под сомнение практическое воплощение принципа единства гражданско-правового регулирования на всей территории Российской Федерации.

Отметим, что в силу многоаспектности, проблемы межнациональных (межэтнических) конфликтов, охватывающих все сферы общественной жизни, до сих пор не нашли своего полного разрешения. Президент России В. В. Путин многократно высказывал свою озабоченность по поводу работы системы мониторинга межэтнических конфликтов, отмечая, что «в настоящее время она только

регистрирует произошедшие события, вместо того чтобы выявлять потенциальные точки напряженности и возможные угрозы»¹.

Несомненно, управление межэтническими отношениями неразрывно связано с активным изучением этнических ценностей, проявляющихся в процессе коммуникативного диалога государства и граждан, что, в свою очередь, определяется во многом совокупностью факторов, где далеко не последнее место занимают такие социально-правовые феномены, как культура и психология [2, с. 191].

Методы

Решение поставленных задач осуществлялось на основе современных общенаучных методов познания, таких как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, сравнение, абстрагирование, обобщение и классификация, а также специальных методов, включая сравнительно-правовой и социологический.

Результаты

Действующее российское законодательство допускает обычай как источник права (ст. 5 ГК РФ), однако его применение в наследственных отношениях крайне ограничено императивным характером большинства норм раздела V ГК РФ. Как отмечает А. Л. Маковский, наследственное право в своей основе публицистично, так как регулирует переход прав в момент, когда волеизъявление собственника уже не может быть исправлено [3, с. 78]. Этнокультурная традиция, в свою очередь, согласно исследованиям юридического антрополога В. А. Тишкова, функционирует как «живое право», основанное не на письменной норме, а на коллективном восприятии, санкциях общественного мнения и психологической привязанности к родовым устоям [4, с. 112].

Яркой иллюстрацией противоречия между императивными нормами ГК РФ и «живым правом» традиции служит практика наследования родового имущества (например, родовых земель или дома-крепости – «гала»)

¹ Татьяна Замахина. Путин поручил скорректировать Стратегию государственной национальной политики // Российская газета. 2023. 17 мая.

в республиках Северного Кавказа. Согласно местным обычаям, такое имущество неразрывно связано с родом (тейпом, фамилией) и не может быть выведено из его владения, переходя строго по мужской линии.

Наследник по закону или завещанию, не соответствующий данному традиционному критерию (например, дочь, вышедшая замуж в другой род), сталкивается с непреодолимым социальным сопротивлением, несмотря на формальную законность своих прав. Санкцией за нарушение обычая становится не судебный иск, а мощное давление общественного мнения, бойкот или даже насильственное воспрепятствование владению.

Таким образом, императивная норма части третьей ГК РФ, гарантирующая переход имущества к указанному наследнику, де-юре побеждает, но де-факто оказывается парализованной неформальным, но легитимным в своей среде обычаем-вето. Это подтверждает тезис о публицистичности наследственного права, которое в подобных случаях не столько регулирует переход прав, сколько фиксирует правовой тупик, возникший из-за столкновения двух несовместимых нормативных систем в «моменте истины» – после смерти наследодателя.

Накопленный эмпирический и теоретический материал позволяет осуществить типологизацию основных форм исследуемого противоречия. Картография этих коллизий эксплицирует не случайные расхождения, а устойчивые парадигмальные разрывы между легалистским подходом формального права и коммунитарной природой традиционного нормативного регулирования.

Между тем ключевые точки коллизий могут быть систематизированы следующим образом:

1. Свобода завещания против родовой императивности.

Традиционные системы (особенно на Кавказе, а также в отдельных регионах Си-

бири) часто в императивном порядке предписывают порядок наследования (принцип майората – переход к старшему сыну, недопустимость отчуждения родовой земли/дома «чужакам», в том числе по завещанию) [5; 6]. Завещание, нарушающее эти каноны, воспринимается не как реализация свободы, а как акт социального предательства, что ведет к оспариванию его по ст. 1131 ГК РФ под надуманными предлогами (давление, неспособность отдавать отчет)¹.

2. Формальное равенство долей против иерархического распределения.

Текст норм ст. 1142, 1143 ГК РФ о равных долях наследников одной очереди вступает в противоречие с традиционным приоритетом мужчин над женщинами, старших над младшими, кровных родственников над супругами. Психологически для носителя традиционной культуры раздел имущества поровну между сыном и дочерью может восприниматься как глубоко несправедливый.

3. Индивидуальная собственность против коллективной родовой собственности.

Юридическая конструкция общей долевой собственности наследников (ст. 1164 ГК РФ) плохо соответствует традиционному представлению о неделимости «родительского дома» или родовой земли. Фактический отказ от раздела с сохранением имущества в общем пользовании при юридически оформленных долях создает почву для долгосрочных конфликтов и «спящих» прав» [7, с. 311].

С точки зрения этнопсихологии, по Т. Г. Стефаненко, указанные традиции выполняют ключевые социально-психологические функции: поддержание целостности и иерархии рода, сохранение идентичности через связь с родовой землей (место как центр памяти), обеспечение социальной защиты через механизмы взаимной ответственности [8, с. 205]. Нарушение этих норм вызывает не просто имущественный спор, а экзистенциальную угрозу целостности социальной

¹ О признании недействительным завещания под влиянием заблуждения, связанного с культурными особенностями: определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2021 г. по делу № 18-КГ21-8-К6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

группы, что объясняет высочайшую эмоциональную напряженность таких конфликтов. Нотариус или суд, действующие строго в рамках ГК РФ, в глазах общественности могут восприниматься как деструктивный внешний элемент, что, в свою очередь, подрывает авторитет государства и приводит к уходу конфликта в «тень» (неформальные суды старейшин, самосуд).

Суды, следуя принципу верховенства федерального закона, как правило, отказывают в применении обычая, если он прямо противоречит императивной норме (например, отказывают в признании преимущественного права старшего сына). Однако это не решает конфликт, а лишь переводит его в латентную фазу. Более того, возникает проблема квалификации: попытки признать завещание недействительным под предлогом «непонимания» завещателем последствий (ст. 177 ГК РФ) из-за культурных установок или доказательств «порочащих обстоятельств» наследника, не соответствующего традиционному моральному облику. Суд оказывается в роли невольного арбитра в ценностном споре, для которого у него нет легальных полномочий.

Рассмотрение возможностей разрешения выявленных коллизий требует дифференцированного подхода, выделяя меры, осуществимые в рамках действующего правового поля (*de lege lata*), и концептуальные предложения по совершенствованию законодательства (*de lege ferenda*).

В этих целях целесообразным представляется развитие следующих направлений:

1. Приоритет превентивных и примирительных процедур. Ключевой стратегией гармонизации коллизий является смещение акцента с постудебного разрешения споров на их предупреждение и досудебное урегулирование. Реализация данного подхода предполагает развитие двух взаимодополняющих направлений.

1.1. Развитие института культурно-сенситивной медиации. Для обеспечения легитимности процедуры и эффективного учета неформальных нормативных систем целесообразно включать в медиационный процесс в качестве ассистирующих медиаторов

авторитетных и одновременно правограмотных представителей соответствующего локального сообщества. Это создает необходимый баланс между правовыми стандартами и традиционными устоями.

1.2. Специализированная подготовка нотариусов в полиэтничных регионах. На нотариуса возлагается превентивная функция по диагностике потенциальных конфликтов на стадиях удостоверения завещания и открытия наследства. В рамках разъяснительной работы, выступающей инструментом «мягкой силы», нотариус способствует осознанию наследодателем не только юридических, но и социально-правовых последствий его волеизъявления. Информирование об альтернативных инструментах, таких как завещательный отказ или возложение (ст. 1137, 1139 ГК РФ), позволяет минимизировать конфликтогенный потенциал решения [9, с. 22].

2. Гибкая интерпретация и применение инструментария ГК РФ. Несомненно, реализация существующих гражданско-правовых институтов с учетом социального контекста может смягчить остроту противоречий. Для этого необходимо:

2.1. Активное содействие заключению соглашения о разделе наследства (ст. 1165 ГК РФ). Нотариусы и суды должны стимулировать наследников к использованию данного механизма, допуская в его рамках отступление от принципа равенства долей в пользу распределения, соответствующего традиционным представлениям, при условии добровольного и информированного согласия всех участников. Критически важным становится обеспечение реальной свободы воли наследников, в особенности тех, кто может подвергаться скрытому социальному давлению.

2.2. Расширительное толкование оснований преимущественного права (ст. 1168 ГК РФ). При предоставлении преимущественного права на неделимую вещь наряду с формальным критерием совместного проживания правоприменителю следует учитывать культурно и исторически обусловленную связь наследника с объектом (например, многолетнее ведение на земле традиционно-

го хозяйства, обеспечивающего сохранность рода) [10, с. 71].

2.3. Учет обычая в контексте оценки добросовестности и злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Действия наследника, формально соответствующие закону, но грубо и цинично попирающие устоявшиеся в сообществе традиции исключительно для извлечения материальной выгоды в ущерб коллективным интересам, могут быть квалифицированы как злоупотребление субъективным гражданским правом [11, с. 185].

Таким образом, обычай де-факто становится критерием установления границ допустимого поведения в рамках оценочных категорий гражданского закона [12, с. 107].

3. Этнопсихологически ориентированное правовое просвещение. Эффективность правовых механизмов напрямую зависит от их восприятия в конкретной культурной среде. Поэтому трансляция знаний о наследственном праве должна осуществляться не в виде абстрактных догм, а через призму локальных ценностей, с использованием кейсов и сценариев, демонстрирующих, как легальные инструменты могут служить защите семейного и родового единства, позволяя транслиро-

вать традиционные ценности в современное правовое поле [13, с. 156].

Заключение

Рекапитулируя вышесказанное, отметим, что наследование в условиях полиэтничного государства неизбежно становится полем для столкновения культур [14, с. 210]. Прямолинейное навязывание императивных норм ГК РФ без учета этнопсихологического контекста малоэффективно и социально опасно. Выход видится не в создании параллельных правовых систем, а в развитии гибкого, культурно-чувствительного правоприменения в рамках существующего закона [15, с. 105]. Гражданское право, в особенности его диспозитивные и процедурные институты (соглашения, медиация), обладает достаточным потенциалом для работы в качестве «переводчика» между разными «нормативными мирами». Ключевая роль в этом процессе должна отводиться нотариату и суду как институтам, способным не только применять право, но и распознавать, а затем аккуратно интегрировать легитимные социальные нормы в правовое русло, обеспечивая тем самым подлинную социальную стабильность и уважение к закону в его многообразных проявлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.
2. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 292 с.
3. Маковский А. Л. О кодификации наследственного права (некоторые итоги и перспективы) // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 74–85.
4. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
5. Накохова Р. Р. Психологические особенности системы ценностных ориентаций личности представителей этносов Северного Кавказа. М.: Линкор, 2007. 271 с.
6. Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005 36 с.
7. Шиловост О. Ю. Споры о наследовании: теория и судебная практика. М.: Норма, 2021. 416 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
9. Тимошкина О. А. Конституционно-правовые основы деятельности нотариата по защите социально-экономических прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 168 с.
10. Шмаков В. Н., Дерюга Н. Н. Место и роль преимущественных прав в гражданском законодательстве России // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. Т. 14, № 3. С. 69–73.
11. Яковлева Ю. В. Генезис представлений о правовом феномене «злоупотребление правом» // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 1. С. 179–192.

12. Варвенко А. С., Желонкин С. С., Жукавин В. В. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2020. С. 105–113.
13. Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право. М.: Юрайт, 2019. 346 с.
14. Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. № 1. С. 202–211.
15. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

REFERENCES

1. Shirokogorov S. M. Ethnos. A study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena // Ethnographic studies. Book two. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2002. (In Russ.)
2. Vygotsky L. S. Consciousness as a problem of behavioral psychology // Collection of Works. Vol. 1. Moscow: Pedagogy, 1982. 292 p. (In Russ.)
3. Makovsky A. L. On the codification of inheritance law (some results and prospects) // Journal of Russian law. 2020. No. 5. P. 74–85. (In Russ.)
4. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
5. Nakokhova R. R. Psychological Features of the System of Value Orientations of the Personality of Representatives of the Ethnic Groups of the North Caucasus. Moscow: Linkor, 2007. 271 p. (In Russ.)
6. Gudyma A. P. Development of indigenous peoples of the north: foundations of socio-philosophical analysis: abstract of dissertation ... Doctor of Philosophy. Novosibirsk. 2005. 36 p. (In Russ.)
7. Shilokhvost O. Yu. Inheritance disputes: theory and judicial practice. Moscow: Norma, 2021. 416 p. (In Russ.)
8. Stefanenko T. G. Ethnopsychology: textbook for universities. 5th ed. Moscow: Aspect Press, 2017. 352 p. (In Russ.)
9. Timoshkina O. A. Constitutional and legal foundations of the notary's activities in protecting the socio-economic rights of citizens: abstract of dissertation ... Cand. of Law. Moscow, 2014. 168 p. (In Russ.)
10. Shmakov V. N., Deryuga N. N. The place and role of preemptive rights in the civil legislation of Russia // Asia-Pacific Region: economics, politics, law. 2012. Vol. 14, No. 3. P. 69–73. (In Russ.)
11. Yakovleva Yu. V. Genesis of concepts about the legal phenomenon of "Abuse of law" // Historical and legal problems: A new perspective. 2022. No. 1. P. 179–192. (In Russ.)
12. Varvenko A. S., Zhelonkin S. S., Zhukavin V. V. Theoretical and legal provisions on the principle of good faith in civil law // Leningrad law journal. 2020. P. 105–113. (In Russ.)
13. Abramnikov M. S., Saraev A. G. Inheritance law. Moscow: Yurait, 2019. 346 p. (In Russ.)
14. Yuzhanin M. A. The social and legal concept of "collective rights" of ethnic groups // Sociology of power. 2012. No. 1. P. 202–211. (In Russ.)
15. Barth F. Introduction // Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: a collection of articles / edited by F. Barth; translated from English by I. Pilshchikov. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2006. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. А. Киселёва, кандидат юридических наук.

Information about the author:

K. A. Kiseleva, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.